

Б.Н. Бессонов

Николай Александрович Бердяев: жизнь и творчество

Статья посвящена исследованию жизни и творчества русского философа Н.А. Бердяева, рассматривавшего историю философии, русской в том числе, как путь Духа, устремленного к вечности. С его точки зрения, жизнь в этом мире поражена глубоким трагизмом. В этом причина нелюбви философа к классицизму, который создает иллюзию совершенства в конечном. Совершенство достижимо лишь в бесконечном.

Ключевые слова: антропология; гуманизм; диалектика; экзистенциализм; жизнь; творчество; философия; свобода.

Часть 2

Противопоставляя Россию и Запад, Бердяев апеллирует к идее противопоставления цивилизации и культуры. По его мнению, западная культура деградирует в цивилизации. Подтверждение этому он видит в судьбе Фауста Гете. Душе Фауста присуща исключительная динамичность, неведомая, в частности, душе античной. Для осуществления своих бесконечных устремлений Фауст вступает в союз с Мефистофелем, злым духом земли. Постепенно мефистофелевское начало изъело душу Фауста. Материальное господство над миром он предпочел духовному совершенству; отказавшись от религиозной культуры, он пришел к безрелигиозной цивилизации.

Н.А. Бердяев считает, что в сфере философии окончательный переход культуры в цивилизацию возвестил О. Шпенглер. Как утверждает О. Шпенглер, культура — религиозна, цивилизация — безрелигиозна, культура — национальна, цивилизация — интернациональна; культура — органична, цивилизация — механична, культура аристократична, она основана на качествах; цивилизация пронизана стремлением к равенству, количеству, она — демократична. Цивилизация — это мировой город, это воля к мировому могуществу, к устройению поверхности земли. Цивилизация — это духовное мещанство, духовная буржуазность. Именно цивилизация утвердилась, во всяком случае — утверждается сегодня на Западе. Это вывод и О. Шпенглера, и самого Н.А. Бердяева [2: т. 1, с. 378]. Н. Бердяев отмечает при этом, что точка зрения Шпенглера напоминает точку зрения Н.Я. Данилевского, развитую в его книге «Россия и Европа», и К.Н. Леонтьева, который ненавидел цивилизацию Запада за угашение духа и смерть творчества в ней. Спасение от варварства цивилизации, заключается, по мнению Н. Бердяева, в наступлении нового Средневековья, которое спасет духовную культуру, возродит волю к творческому преобразованию жизни, не только личной, но и общественной, но и мира в целом.

Продолжая тему «Запад – Восток», обращаясь к анализу истории духа отдельных народов Запада и Востока, философ приходит к выводу, что, в частности, «германская раса» не имеет преемственной связи с античным миром. Лютер и Кант — великие варвары. Германский индивидуализм и германский критицизм порывают со всяким преданием; между тем всякая культура покоится на предании, на традиции. Н.А. Бердяев соглашается с утверждением, что варварская германская мысль создала глубокие формы религиозного и философского критицизма, в которых объективный мир воссоздается из погружения в субъект, в глубины духа. Однако великая и чистая, но варварская германская культура остается по преимуществу культурой отвлеченной духовности, чуждой всему пластическому, воплощенному, конкретному. Она порвала с солнечностью, естественным источником света, излучаемым античностью. При этом, бесспорно, германская раса, германская культура имеют великую и провиденциальную миссию в западном мире [2: т. 1, с. 303–304]. В германской культуре есть глубина, но нет утонченности и изящества, констатирует Н.А. Бердяев. Напротив, утонченность и изящество есть исключительное достояние культуры французской. Тем более что утонченность и изящество и есть культурность по преимуществу. Недаром Ницше писал, что культура есть лишь во Франции [2: т. 1, с. 305].

Что касается славянской культуры, славянской мистики — то, по мнению Н.А. Бердяева, она по преимуществу апокалиптическая, связанная с временами и сроками всемирной истории, с конкретным воплощением, с эсхатологией. Славянская культура, признает философ, в обыденном смысле этого слова гораздо ниже культуры германской. Но славянская раса приняла в свою плоть и кровь преемственность культуры греческой и византийской.

Да, подчеркивает Бердяев, весь характер русской культуры, русской мысли, русской философии, русского морального склада и русской государственной судьбы противоположен Западу, противоположен радостному духу Ренессанса и гуманизма. Он несет в себе что-то мучительное. Примечательно, что и О. Шпенглер в своей книге «Пруссачество и социализм» также отмечал, что Россия принадлежит к иной культуре, нежели Запад; Россия — это таинственный мир, непостижимый для западного сознания. Россия — религиозна и нигилистична. Великая русская литература XIX века — вся в муках и страдании, в боли о мировом спасении, в ней точно совершается искупление какой-то вины. «В русской культуре, — продолжает Бердяев, — был лишь один момент, когда ярко блеснула возможность радостного духа Ренессанса, — это явление пушкинского творчества, это культурная эпоха Александра I. Но в целом в основе нашей великой литературы лежали великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения. Таково творчество русских гениев XIX века — Гоголя, Толстого и Достоевского. И более всего тайна России открывается в Достоевском и его творчестве» [2: т. 2, с. 20].

В начале XX века Россия еще раз пережила своеобразный культурный ренессанс, полагает мыслитель. Одним из источников русского ренессанса

были, по мнению Н. Бердяева, немецкая философия и русская религиозная философия XIX века. Из немецких философов наиболее влиятельным в это время был Шеллинг. «В 30–40-е годы XIX века он имел огромное влияние на славянофилов, позднее на Вл. Соловьева, философия которого была в линии Шеллинга. Переработанное шеллингианство вошло в русскую религиозно-философскую мысль. Особенное значение имел Шеллинг последнего периода, периода «философии мифологии и откровения». Стремление русской религиозно-философской мысли к органической целостности, к преодолению рационалистической рассеченности очень родственно Шеллингу» [2: т. 2, с. 309]. Поэтому нужно без всяких оговорок признать, что славянофилы получили сильные прививки от немецкого романтизма и идеализма, от Шеллинга, а также и от Гегеля. Идея «органичности» была по преимуществу идеей немецкого романтизма.

В начале XX века русские вновь вернулись к темам творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого, Н. Федорова и Вл. Соловьева. Исследователи признали, что Вл. Соловьев оказал большое влияние на философию и на богословие, а также и на поэтов-символистов: А. Блока, В. Иванова, А. Белого.

Примечательно, отмечает Н. Бердяев, что некоторые последующие течения европейской мысли были предвосхищены в России. Много из того, что впоследствии утверждали М. Шелер, Н. Гартман и экзистенциальная философия, раньше высказывалось русскими философами начала XX в. Например, поворот Н. Гартмана к онтологическому реализму в теории познания был предвосхищен С. Франком. Н. Лосский также раньше, чем это произошло в Германии, преодолел неокантианство. «Русская философская мысль, — полагал Н.А. Бердяев, — сознавала себя существенно онтологической. Она размышляла не столько о познании, сколько о бытии. Она хотела понять познание как соучастие в бытии, бытие же понимала как конкретное сущее» [2: т. 2, с. 313]. Религиозная философия, по его мнению, в начале XX века была самым оригинальным порождением русского духа. На ее создание наибольшее влияние оказали идеи А.С. Хомякова, Ф.М. Достоевского, Вл.С. Соловьева.

А.С. Хомяков, считал Н. Бердяев, был выдающимся новатором. В его учение о соборности вошел по-русски и по-православному преобразованный европейский гуманизм, в его учение о свободе, в его радикальное отрицание авторитета в религиозной жизни вошло и учение об автономии германского идеализма. Хомяков был своеобразным анархистом, и это делало его характерно русским мыслителем [2: т. 2, с. 310, 311].

Однако, отмечает Н. Бердяев, между реформаторскими идеями Хомякова и русской религиозной философией начала XX в. наметилась глубокая пропасть. В начале XX в. не было уже устойчивого органического быта, Россия и в духовном и в социальном смысле жила в предреволюционную эпоху. И это, конечно же, усиливало апокалиптическую и эсхатологическую окраску русской религиозной философии. В то же время русские мыслители отклоняли трансцендентализм, связывали Космос с софийностью, с преображением и обожением тварного мира.

Н.А. Бердяев утверждает, что в данном случае ему особенно была близка позиция П. Флоренского. «Тут я сходиллся с П. Флоренским, — пишет он. — Мы были панентеистами (не пантеистами). Мы признавали существование соизмеримости между человеком и Богом». Причем в наших построениях «несомненно преобладала идея преобразования над идеей спасения» [2: т. 2, с. 315]. Вместе с тем, отмечает Н. Бердяев, «моя позиция все-таки отличалась от позиции П. Флоренского. Моя философия всегда была ориентирована антропологически, а не космически, и я всегда был ближе к тому типу мысли, который сейчас называют экзистенциальной философией. Основными проблемами для меня были проблемы человека, первичности его свободы и творчества. Проблема же космоса представлялась мне производной от проблемы человека» [2: т. 2, с. 20].

В целом, констатирует Н.А. Бердяев, русская религиозная мысль начала XX в. была несомненным модернизмом на православной почве. Русским религиозным течениям разных оттенков был свойственен пневмоцентризм — ожидание нового излияния Духа Святого в мире.

Начало XX века — русский культурный ренессанс, — Н. Бердяев считает одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры. Это была эпоха творческого подъема поэзии и философии после периода упадка. Это была вместе с тем эпоха появления новых душ, новой чувствительности. Души раскрывались для всякого рода мистических веяний: и положительных, и отрицательных.

Русскими душами овладели в то время предчувствия надвигающихся катастроф. Поэты А. Блок, А. Белый видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир в целом. Религиозные мыслители прониклись апокалиптическими настроениями. Все это проистекало из того, что наш культурный ренессанс произошел в предреволюционную эпоху, в атмосфере надвигающейся огромной войны и огромной революции, отмечал Н.А. Бердяев. Ничего устойчивого более не было. И не только Россия, но весь мир переходил в «жидкое» состояние. В то же время апокалиптическое настроение, ожидание грядущих катастроф у русских всегда было связано с великой надеждой. «Русский народ, подобно народу еврейскому, — народ мессианский. В лучшей своей части он ждет Царства Божия, ищет правды и уповает, что не только день Божия суда, но и день торжествующей Божьей правды наступит после катастроф. Это есть своеобразный русский хилиазм. Он был и в дехристианизированном русском сознании. Но, к сожалению, эти идеи, эти настроения в культурном ренессансе России носили характер слишком литературный и оторванный от народных движений» [1: с. 164, 165], — указывает Н.А. Бердяев.

Узость социальной базы, тот факт, что культурная элита, интеллигенция была оторвана от широких социальных течений того времени — стало трагедией нашего культурного ренессанса начала XX века. Это имело в конечном счете роковые последствия, приведшие к тому, что революция начала уничтожать этот культурный ренессанс и преследовать творцов культуры, подчеркивает философ [1: с. 165].

Вообще, по мнению Бердяева, революция есть рок и стихия. Её нельзя ни направить, ни остановить. Идеалисты, мечтатели, те, кто начинает революцию, в ней, как правило, сгорают, погибают. Умеренные в ней тоже не господствуют. В революции господствуют реалисты. В русской революции реалистами были большевики; они действовали в полном согласии с волеизъявлениями крестьян, рабочих и солдат, жаждавших мира, земли и хлеба. Утопистами были те (кадеты), кто хотел продолжать войну в то время, когда она уже внутренне разложилась, кто вещал о правах и свободах, в то время, когда русский народ голодал и ни о каком правовом, конституционном государстве и слушать не хотел [2: т. 1, с. 439, 440].

Русский народ вообще не хочет никакого правового государства в европейском смысле, утверждает Н. Бердяев. Это — аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к Царству Божию. У русских, в отличие от западных народов, нет привязанности к земным вещам, к собственности, государству, к своим правам, к внешнему бытовому укладу. То, что европейцам представляется добродетелью, русскому человеку представляется грехом. Буржуазный строй в России, в сущности, почти все считали грехом, — не только революционеры, но и религиозные люди. Православие всегда внушало русским идею обязанности, а не идею права. Право не считалось добродетелью, обязанности же не исполнялись по греховности. Сама русская буржуазия чувствовала себя нравственно униженной, ущербной. И русский помещик никогда не был до конца уверен, что он по праву владеет своей землей. И русский купец думал, что нажился он нечистыми способами и раньше или позже должен покаяться. Поэтому, полагает мыслитель, революция в России была неизбежной и справедливой. За неё более ответственны реакционные и «командующие» силы старого режима. Они держали народ в рабстве и тьме. Революция была не только не преждевременной, а, напротив, запоздалой. Самодержавие не столько было свергнуто, сколько разложилось и само пало. Жестокость революции в немалой степени была порождена жестокостью правящего класса, а также тем, что она была порождением войны. Н.А. Бердяев, пишет, что «осознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма. Это момент внутренней судьбы русского народа, экзистенциальная её диалектика» [2: т. 1, с. 453]. Русским людям, полагает Бердяев, присущи другие ценности, нежели западным. Равенство — это пустая идея. Это — зло, когда во имя равенства отвергается величие индивидуальности. Социальная правда зиждется на достоинстве каждой личности, а не на равенстве. Демократия? Она формальна, механически уравнивает все качественное и индивидуальное, отрицает все абсолютное, утверждает релятивизм. Она ведет к утрате индивидуальности, нивелировке, атомизации людей. Демократия отнюдь не формирует общей, органической воли народа. Она истребляет внутреннего человека во имя внешнего. Она не знает истины; истина сакральна, она не результат решения большинства.

Свобода? Лозунг формальной свободы, свободы хотеть того, чего захочешь, — пустой. Он приводит либо к произволу, либо к отрицанию, игнорированию реальной свободы. Подлинная свобода, уверен философ, противна произволу. Она имеет космическое содержание. Право? Оно защищает и хранит свободу, особенно в эпоху разобщения людей. Оно необходимо, но оно не может принудить к «органическому», но может заставить людей любить друг друга.

В целом, считает Н.А. Бердяев, «западная культура, нацеленная на внешние действия, есть неудача творчества; она не может творчески преобразить бытие; западная философия и наука есть неудача в творческом познании истины; искусство и литература — неудача в творчестве любви; мораль и право — неудача в творчестве человеческих отношений; хозяйство и техника — неудача в творческой власти человека над природой. Все достижения современной западной культуры — символические, а не реалистические. Кризис культуры — это отражение стремления человека к переходу от символически условных достижений к достижениям реально абсолютным» [2: т. 1, с. 272].

Русская же душа, по мнению Бердяева, противостоит дурно-бесконечной, буржуазной срединной культуре, которая фатально истощается и склоняется к упадку, отрывается от истоков бытия, от жизненных корней. В ней наступает исчерпанность и декаданс. Конкретное бытие переходит в отвлеченное и призрачное [2: т. 1, с. 372]. Русской же душе присуща жажда творчества новой жизни и нового мира. Она стремится сохранить целостное единство субъекта и объекта. Ей не свойствен культ абстрактных чистых ценностей: культ чистой красоты, культ чистой истины... она хочет не меньшего, чем полного преобразования жизни.

С этой чертой связано самое великое и истинно оригинальное в русской жизни и культуре, а именно — русская душа берет на себя бремя мировой ответственности. Именно это-то и не позволяет нам жить радостной культурной жизнью, утверждает Бердяев.

Ярким примером русской души, по Бердяеву, является Ф.М. Достоевский, отразивший все противоречия русского духа, всю его антиномичность. По Достоевскому можно изучать наше своеобразное духовное строение. В его творчестве «жизнь идей протекает в раскаленной, огненной атмосфере, — охлажденных идей у Достоевского нет... Поистине в Достоевском есть что-то от Гераклитова духа; все в нем огненно и динамично, все в движении, в противоречиях и борьбе» [2: т. 2, с. 13, 14]. Русские люди, утверждает Н.А. Бердяев, не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры; их дух устремлен к конечному и предельному. Если немцы — мистики или критицисты, французы — догматики или скептики, то русские — апокалиптики или нигилисты. Более того, в русской душе нигилизм совмещается с апокалиптикой, с религиозной устремленностью к концу света, к новому откровению.

Такая духовная настроенность, по мнению Н.А. Бердяева, «затрудняет творчество культурных ценностей; она не благоприятствует духовной дисциплине.

Это имел в виду К. Леонтьев, когда говорил, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность — нравственная середина, она не интересна для нигилистов и апокалиптиков» [2: т. 2, с. 13].

«Русские мальчишки (излюбленное выражение Достоевского) всегда поглощены решением мировых вопросов, или о Боге и бессмертии, или об устройении человечества; они — атеисты, социалисты и анархисты; культура представляется им помехой в их стремительном движении к концу. Отсюда у русских и вырастает вражда к форме, к формальному началу в праве, государстве, нравственности, искусстве, философии, религии. Форма сдерживает, ставит границы... Саморазрушение и саможигательство — русская национальная черта», — подчеркивает Н.А. Бердяев [2: т. 2, с. 13].

В Достоевском, считает он, отразились все антиномии, все противоречия, все болезни русского национального самосознания: смирение и самомнение, всечеловечность и национальная исключительность. Русский народ в одно и то же время — народ смиренный и «народ — богоносец», в нем воскресает древнее самочувствие народа еврейского. Русская душа отражает особенности русской земли, русской равнины с бесконечными далями. На лице русской земли нет резко очерченных форм, нет границ, русская стихия уходит в бесконечность. Именно поэтому русская душа не превращена в крепость, как душа европейского человека, не забронирована религиозной и культурной дисциплиной. «Вот почему Достоевский мыслил только в России и только русская душа может быть материалом, над которым он совершал свои эксперименты и открытия», — считает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 104, 105].

По его мнению, роковые последствия для русской нравственной культуры имело также отсутствие в нашей истории рыцарства. Именно поэтому нашему национальному духу присущи неразвитость личного начала, личной ответственности и личной чести. Неспособные к духовной самостоятельности, русские люди искали правду не в себе, а вне себя. У русских замечательных людей нет пафоса гордого высокомерия. Они боятся одиночества, покинутости, ищут тепла коллективной народной жизни. «Народничество — порождение русского духа. Только в России можно встретить эту идеализацию «народа», это искание в народе правды и Бога» [2: т. 2, с. 107].

В действительности, по Бердяеву, коллективизм и соборность — это отнюдь не свидетельство великого преимущества русского народа над народами Европы, а свидетельство того, что личность, личный дух недостаточно еще пробудились в русском народе, что личность еще слишком погружена в природную стихию народной жизни. Поэтому-то народническое сознание чувствовало правду и Бога не в личности, а в народе.

Именно это нашло свое отражение в славянофильстве, творчестве Достоевского и Толстого, которые капитулировали перед мужицким царством. Они сбились на путь понимания «народа» как простонародья, противоположного культурному слою. В результате национальное сознание сделалось

невозможным; возможным оказалась только народническое сознание. Вера в «народ», полагает Н. Бердяев, в сущности «свидетельство малодушия и бессилия русских мыслящих людей, их боязни взять на себя ответственность и самим решать, где истина и правда, отсутствия в них сознания собственного духовного достоинства [2: т. 2 с. 110, 111].

И все же в конечном счете противоположение России Европе, было формой духовной борьбы с тенденциями европейской цивилизации, угашающей дух. «Прикованность к земным благам закрывает небо» Поэтому славянофильство, восточничество приобрели «защитный свет», — подчеркивает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 115, 116]. «Борьба двух типов культуры, религиозной и безрелигиозной цивилизации в сущности всегда велась на европейской почве. Французские романтики, французские символисты, французские католики XIX века всем существом своим противились “цивилизации”, которая ранила их не менее, чем славянофилов, Ф. Достоевского, К. Леонтьева, Л. Толстого», — пишет Н.А. Бердяев [2: т. 2, с. 115, 116].

Явление Ницше — это, по Бердяеву, также страстный и болезненный протест против нарастающей бездуховности европейской механической цивилизации. В конечном счете тема эта — мировая; она не может быть понята только как тема о противоположении России и Европы, Востока и Запада. Это — тема о противоположении двух духов, двух типов культуры и внутри Европы и внутри России, на Западе, как и на Востоке, подчеркивает Н. Бердяев [2: т. 2, с. 116].

Достоевский и Ницше — оба — глашатаи нового откровения о человеке, у обоих антропология — апокалиптическая; и то, что говорит Достоевский о человекобоге и Ницше о сверхчеловеке, есть апокалиптическая мысль о человеке, отмечает Бердяев. Кириллов в «Бесах» олицетворяет идею Достоевского о человекобоге. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх смерти, тот сам станет Богом. Тогда утверждается новая жизнь, новый человек. «Кто смеет убить себя, тот Бог». Этот новый человек придет «и имя ему будет человекобог». «Богочеловек?» — переспросил Ставрогин. — «Человекобог, в этом разница», — подчеркнул Кириллов. Богочеловек и человекобог, по Достоевскому, полярности человеческой природы; прежде всего, природы русского человека, природы русского духа. Богочеловек — Христос. Человекобог — это сверхчеловек, это смерть человека. «Как отличается в своих исканиях и противоречиях русский дух от монизма духа европейского, в частности, германского! — восклицает Н.А. Бердяев и делает следующий вывод: «Когда германец погружается в глубину своего духа, он в глубине находит божественность, все полярности и противоречия там снимаются. И потому это так, что для германца человек существует лишь на периферии, лишь в явлении, а не в сущности. Русский человек более противоречив и антиномичен, чем западный, в нем соединяется душа Азии и душа Европы. Русский человек сложнее и богаче в своей глубине, во внутренней своей жизни» [2: т. 2, с. 175].

Отщепенство, скитальчество и странничество — русские черты. Западный человек более верен традициям и более подчинен норме. «Широк русский человек.

Ширь, необъятность, безграничность — не только материальное свойство русской природы, но и ее метафизическое, духовное свойство, ее внутреннее измерение», — считает Бердяев [2: т. 2, с. 175]. «Метафизические терзания русского духа, которые исследовал Достоевский, есть следствие неформленности русского духа, его неподчиненности пределу и норме. Но если в строе западной жизни есть беспощадность, связанная с подчиненностью человека дисциплине и норме, то русский человек всегда нуждается в пощаде и сам щадит. Русский человек человечнее западного», — утверждает философ [2: т. 2, с. 175].

Но в любом случае, русские — максималисты, подчеркивает Бердяев, и продолжает: «Все русские идеологии всегда были тоталитарными, теократическими. Именно поэтому революция в России могла быть только социалистической и никакой другой. Социализм прав перед лицом буржуазно-капиталистического мира. Все буржуазные аргументы против социализма лицемерны и порочны. Социализм есть последняя правда и последняя справедливость. Однако в марксистском социализме, в коммунизме есть не только своя правда, но и своя ложь. Правда — раскрытие возможностей братства людей и народов, преодоление классов, ложь уже — в духовных основах, которые приводят к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания. Коммунизм есть русское явление на основе марксистской идеологии. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней свободы народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма. Но освобожденная от лжи. Русская революция пробудила и расковала огромную силу русского народа. В этом ее главный смысл» [3: с. 125].

И все же, по Бердяеву, антиномия свободы и рабства разрешается на пути личного духовного подвига. Именно он противостоит коммунизму, который абсолютизирует общественное устройство, экономику, государство, персонализм, персоналистский социализм, с точки зрения которого общественное устройство в конечном счете зависит от разрешения противоречий как во внутренней духовной жизни человека, так и в духовной жизни общества в целом.

В этой связи Н.А. Бердяев отвергает некий бесконечный исторический прогресс. Бесконечный исторический прогресс невозможен и неприемлем потому, что означал бы превращение всех живших и ныне живущего поколения в средство для будущих поколений. Если универсальный смысл не есть вместе с тем и личный, персональный, смысл, то он бессмыслен. Бесконечен лишь Бог. Все остальное: и человек, и история — конечны. Вся наша жизнь, вся наша история движется через противоречия конечного и бесконечного, временного и вечного. Человек есть конечное существо, заключающее в себе в то же время бесконечность, он есть временное существо, заключающее в себе вечность. Поэтому метафизика неизбежно должна стать эсхатологией.

Н.А. Бердяев подчеркивает, что именно поэтому для него смысл конца мира и истории означает конец объективного бытия, преодоление объективации. Это

есть вместе с тем снятие противоположности между субъектом и объектом. Субъект с его духовным миром выше объекта.

Конец означает также победу экзистенциального времени над временем историческим и космическим. Только в экзистенциальном времени, измеряемом напряженностью духовно-нравственных субъектов, может открыться выход к вечности. В конце есть неотвратимый момент суда совести, которая есть как бы голос Божий в человеке. Но в конце есть и наступление Царства Божьего. Н.А. Бердяев считает важным прозрение Н. Федорова: если не будет христианского «общего дела», дела свободы в осуществлении Царства Божия, то будет одно — телесный страшный конец; если же будет «общее дело», творческое соборное общение людей, то будет — воскресение всего живущего. Он подчеркивает: в таком случае конец воспринимается не как фатум, а как свобода. Это есть преобразование мира, в котором человек участвует как творец.

Философ считает неправомерным столкновение в европейском сознании двух вер — веры в Бога и веры в человека. Это лишь — момент диалектики сознания. На более высокой ступени сознания человек должен понять, что вера в Бога предполагает веру в человека и вера в человека — веру в Бога. Бог нуждается в человеке, в ответе человека, в творчестве человека. Любящий Бог не может существовать без любимого человека. Сама идея откровения бессмысленна, если тот, кому открывается Бог, не соответствует открываемому.

Источник свободы, творчества, познание истины — в самом человеке. Именно поэтому, утверждает Н.А. Бердяев, и возможна эсхатологическая перспектива преобразования мира. Он утверждает, что нельзя мыслить Бога в категориях объективации, в категориях науки. Бог есть дух, свобода, любовь, вечное творчество. Рай нельзя представлять в виде сублимированного чувственного земного царства. В таком случае возникает желание предпочесть ему земную жизнь с ее неудовлетворенными бесконечными стремлениями, противоречиями и страданиями. По мнению Н.А. Бердяева, Достоевский глубоко раскрыл подлинную суть идеи рая. Во «Сне смешного человека» Ф.М. Достоевский отмечает: «Люди познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что истина достигается лишь мучениями. Тогда у них появились казни. Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обозначения кодексов поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы... Утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав ее сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь и опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же “желанию”, в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его. И, однако, если бы только могло так случиться, что они возвратились в то невинное и счастливое состояние, которое они утратили, и если бы кто-нибудь вдруг им показал его вновь

и спросил их: Хотят ли они возвратиться к нему? — то они, наверное бы, отказались». Достоевский продолжает: виновник утери рая говорит: «Они воспевали страдания в песнях своих. Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, но любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на их лицах еще не было страдания, и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил их оскверненную ими землю еще больше, чем когда она была раем, за то лишь, что на ней явилось горем».

Царство Божие, считает Н.А. Бердяев, Небесное Царство должно быть и на земле, хотя оно в то же время и прежде всего Небесное Царство. Пассивное понимание апокалипсиса как претерпевание конца и суда, как отрицание всякого творчества человека есть выражение рабства человека. Человек всегда стремится к свободе, даже к безмерной свободе. Свобода мучит человека и может погубить его. Но человек дорожит этой мукой. Ф. Достоевский показал падение человека, который проходит через эту свободу.

«Конец мира есть дело богочеловеческое, в него входит творчество человека, человек не только претерпевает конец, но и уготовляет его. Конец есть не только разрушение мира и суд, но также просветление и преображение мира. На путях человекобожества человек погибает. Истинные жизни, свобода и творчество возможны только во Христе, на пути Богочеловеческом» [2: т. 2, с. 34].

В это связи Н.А. Бердяев критикует Церковь, официальное богословие, которые больше верят в силу Божию, нежели в пришествие Царства Божия. Они освещают насилие, царящее в мире феноменальном, в обществе, государстве, но подлинная вера в Бога есть вера эсхатологическая, то есть вера в грядущее Царство Божие. Поэтому человеку нужно не столько ставить себе цели и реализовать их в предметном мире, сколько воплощать свою творческую энергию в сознании, в любви, в общении, в свободе, в красоте, определяя себя эсхатологически. Бог не управляет миром, Он открывается миру; именно поэтому Он имеет нужду в ответном творческом акте человека. Этим обусловлено то, почему Иисус не ответил на вопрос Понтия Пилата: «Что есть истина?» Истина — открытие смысла, творимая самим человеком ценность.

Что касается непосредственно России и ее судьбы, то Бердяев, вслед за Вл. Соловьевым, считал, что русская идея — категория трансцендентная, надэмпирическая. Это не то, что думает о России тот или иной мыслитель, тот или иной человек, а то, что думает о ней Бог, поставивший русскому народу свои провиденциальные цели. Человеческий разум не в состоянии непосредственно схватить содержание такой идеи, он вынужден идти к ней через ряд сменяющих друг друга социально-философских реконструкций. Объективно такими реконструкциями, по мнению Н. Бердяева, были и славянофильство, и народничество, и взгляды эсеров, и марксизм.

Переходя конкретно к содержанию русской идеи, Н. Бердяев подчеркивает, что специфическая роль России в мировой истории носит духовный характер и отнюдь не ориентирована на внешнее государственное могущество. Мистическое

призвание России состоит не в осуществлении великой империи, а в религиозном путеводительстве. И хотя Бердяеву присуща тенденция противопоставления России Западу, тем не менее он видит ее задачу в соединении восточного созерцания божества и охранения божественной святости православия с активностью западного человека и исторической динамикой культуры. Но в любом случае реализовать это призвание Россия сможет не сама по себе, а в единении с другими народами, каждый из которых вносит свой вклад в общее дело преодоления бездуховности, охватившей сегодня человечество.

Бездуховность — одна из самых серьезных угроз человечеству. Сегодня жизнь человеческих обществ стоит под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма. Иерархия ценностей определяется по принципу пользы, при совершенном равнодушии к истине. Духовная культура задавлена. Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живет, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью. Человек все более становится рабом.

Что изменилось сегодня? Все мыслящие люди сегодня безоговорочно присоединяются к Н.А. Бердяеву, к его предостережению об упадке духовности, тем более что угроза ее утраты еще более возросла. Справится ли Россия с возложенной на нее миссией? В конечном счете справится, верил Н. Бердяев. Но судьба России — трудная. В силу ряда причин (одна из них — татаро-монгольское иго) развитие России замедлилось, но затем приобрело ускоренный характер. В результате картина ее развития оказалась прерывистой и как бы «смазанной»: современное переплеталось с прошлым.

Россия Киевская, Россия татарского периода, Московская Русь, Петровская, императорская, советская Россия — все они противостояли друг другу, и тем не менее каждая последующая Россия воспринимала наследие предшествующих [3: с. 7]. И все это сказалось на русском характере. Русский характер приобрел антиномичные черты [3: с. 15]. Эта антиномичность, двойственность усугубляется вследствие того, что в своих устремлениях русские не знают ограничений. Их характер столь бесконечен, как и русская равнина [2: с. 105].

В чем конкретно проявляется антиномичность русского характера? В русских, утверждает Бердяев, глубина и высота духа сочетаются с отсутствием личного достоинства. Бесконечная любовь к людям сочетается с равнодушием и ненавистью к ним. Жажда абсолютной свободы мирится с рабской покорностью. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа — женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. В русском народе не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано также недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. В русском есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Не случайно, Платон Каратаев у Толстого — круглый. Гений

формы — не русский гений. Это — с одной стороны. С другой стороны, Россия — самая государственная, самая бюрократическая страна в мире. Все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, но истощил свои силы. Вся кровь, весь дух шли и ушли на укрепление государства. Это придавило личность.

Далее Бердяев отмечает вторую антиномичность в русском характере. Россия — самая нешовинистическая страна в мире. Достоевский прямо провозгласил, что русский человек — всечеловек, что дух России — вселенский дух. Россия призвана быть освободительницей народов. Вместе с тем — необычное русское самомнение. Русский народ — самый великий, самый призванный. Русское — значит праведное, истинное. Россия — «святая Русь». Тот же Достоевский, который проповедовал всечеловека, проповедовал и самый грубый национализм, травил поляков и евреев.

Третья антиномия: Россия — самая небуржуазная страна. Русский легко уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни, от давящей власти буржуазных условностей.

Тип странника так характерен для России. Странник — самый свободный человек на земле. Его стихия воздушная, он свободен от мира, вся тяжесть земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Странники града своего не имеют, они ищут град грядущий. Духовные странники — все эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версиловы, князь Андрей Болконский и Пьер Безухов. Вл. Соловьев чувствовал себя странником, и Сковорода также. Духовное странствование есть в Лермонтове, Гоголе, в Толстом и Достоевском; русским анархистам и революционерам также было присуще это чувство.

Россия — фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна самозванцев и пугачевщины. Русской душе не сидится на месте, она ищет невидимый град Китеж, незримый дом. Русская душа горит в пламени искания абсолютной правды, разрешения вопросов о смысле жизни. Россия — страна неограниченной свободы и духовных далей, страна мятежная и жуткая в своей стихии, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы. Но рядом же: Россия — страна, лишенная сознания прав личности, страна имперского консерватизма, замкнутого бюрократического царства. В России никто не любит восхождения, все предпочитают быть «как все». Русская революционно-демократическая интеллигенция была захвачена скорее идеей механического равенства, чем свободой.

Русские любят силу, упиваются силой, подчиняются ей. В своей «Судьбе России» Н.А. Бердяев цитирует В. Розанова, который о войне 1914 г. писал следующее: «Сила — вот одна красота в мире... Сила — она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, молятся... Молятся вообще “слабые” — “мы”, вот “я” на тротуаре... В силе лежит тайна мира... Голова ясна, а сердце билось... как у женщины. Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...» [2: т. 2, с. 293]. Верное, конечно, с психологической точки зрения, наблюдение. И вместе с тем (это уже слова

Бердяева): «с позиции русского, с русской точки зрения, душа человеческая стоит больше, чем все царства и все миры...» [2: т. 2, с. 293].

Бердяев отмечал также исключительную склонность русских морализовать историю, т. е. применять к ней моральные категории, взятые к тому же часто из личной жизни. В то же время для русского лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Если европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большего совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели, то русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели. Весьма опасной чертой русского характера, русского мышления — предостерегал Н.А. Бердяев — является то, что они слишком монистичны, слишком поглощены единым и враждебны множественности, закрыты для конкретного многообразия. Серьезной болезнью русского нравственного сознания является отрицание личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, слабое развитие чувства долга и чувства чести, отсутствие сознания нравственной ценности подбора личных качеств, считал Бердяев. Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, он утопает в безответственном коллективизме. Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам — кузнец своей судьбы.

Во многом Н.А. Бердяев, безусловно, прав. Нам, русским, надо освободиться от всякого идолопоклонства: перед Европой, деспотичным государством, отказать от анархизма, от нигилизма, от обезличенности, от внутреннего рабства. Нам надо полюбить созидательную свободу, свободу для творчества и взять на себя нравственную ответственность за свои поступки и за все происходящее в мире. Не ссылаться на внешние обстоятельства и внешние силы, а прежде всего самим быть ответственными и действовать; действовать, а не созерцать.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 510 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990. 222 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
5. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон 1998. 400 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: АСТ, 2002. 616 с.
7. Бердяев Н.А. О русской философии. М.: Издательство русского университета, 1991. Ч. 1. 288 с.; Ч. 2. 240 с.

Literatura

1. Berdyaev N.A. Samopoznanie. M.: Kniga, 1991. 446 s.
2. Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury' i iskusstva: v 2 t. M.: Iskusstvo, 1994. T. 1. 542 s.; T. 2. 510 s.
3. Berdyaev N.A. Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. M., Nauka, 1990. 222 s.

4. *Berdyayev N.A.* *Filosofiya svobody*'. Smy'sl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 607 s.
5. *Berdyayev N.A.* *Dухovny'j krizis intelligencii*. M.: Kanon 1998. 400 s.
6. *Berdyayev N.A.* *Russkaya ideya*. M.: AST, 2002. 616 s.
7. *Berdyayev N.A.* *O russkoj filosofii*. M.: Izdatel'stvo russkogo universiteta, 1991. Ch. 1. 288 s.; Ch. 2. 240 s.

B.N. Bessonov

Nikolai Aleksandrovich Berdyayev: life and work. Part 2

The article is devoted to the study of the life and work of Russian philosopher N.A. Berdyayev, who considered the history of philosophy, including Russian one, as the way of the Spirit, aspiring to eternity. From his point of view, the life in this world is struck by a deep tragic element. This is the reason of the philosopher's dislike of classicism, which creates the illusion of perfection in the finite reality. Perfection is achieved only in the infinite.

Keywords: anthropology; humanism; dialectics; existentialism; life; creation; philosophy; freedom.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2016, № 2 (18)**

Бессонов Борис Николаевич — заведующий общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения МГПУ, профессор, доктор философских наук.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Вартанян Евгений Варданович — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: indulgence490@gmail.com

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Мамедова Наталия Михайловна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: natmam_5@mail.ru

Матренина Лилия Федоровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Московский технологический университет».

E-mail: lmatronina@gmail.com

Понизовкина Ирина Федоровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

E-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Сахарова Мария Викторовна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и религиоведения МГПУ.

E-mail: smarvik@mail.ru